

© 2010 г.

М.С. МЕЙЕР

СССР И СТРАНЫ ВОСТОКА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Институт востоковедения РАН при содействии Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России подготовил и издал фундаментальную монографию, посвященную подробному анализу взаимоотношений Советского Союза и стран Востока в преддверии и во время Второй мировой войны¹. Коллектив авторов под руководством директора института д.и.н., проф. В.В. Наумкина внес заметный вклад в разработку важной и политически актуальной проблематики. Зачастую считают, что война, которую вел СССР, ограничивалась лишь западным, европейским направлением. Между тем Великая Отечественная война для Советского Союза носила мировой, глобальный характер. Она, с одной стороны, вписывается в более широкие рамки Второй мировой войны, а с другой, имеет не только безусловно главное европейское, но и существенное восточное измерение.

Наиболее значимую роль с начала предвоенной эры играл Дальний Восток, который ныне чаще называют Северо-Восточной Азией. Именно поэтому, очевидно, открывают монографию главы, посвященные политике СССР в отношении Монголии, Японии и Китая. В главе “СССР–Монголия, 1936–1945 гг.” (д.полит.н. Г.С. Яскина) затрагивается более широкий круг вопросов, чем собственно советско-монгольские взаимосвязи. В ней характеризуются особенности и приоритеты внешней политики СССР в дальневосточном регионе в 30-х годах XX в. Автор подчеркивает, что политика носила “оборонительный, антивоенный характер”, ее целью было “сохранить мир на своих границах” (с. 12). Показано место, которое занимала Монголия как союзник Москвы, уделено особое внимание вооруженному конфликту на р. Халхин-Гол в мае-сентябре 1939 г. Что касается продолжавшегося 104 дня кровопролитного противостояния (число убитых с обеих сторон – около 30 тыс., из них примерно 1 тыс. пришлось на монгольские части), то главное стремление автора, отмечающего, что событиям на Халхин-Голе посвящена огромная литература, состояло в том, чтобы выявить роль и место в этих событиях непризнанной тогда еще никем в мире, кроме СССР, Монгольской Народной Республики (МНР). Вместе с тем, заслуживают внимания высказанные автором соображения относительно того значения, которое имела убедительная победа советско-монгольских войск над японскими для дальнейшего хода региональных и мировых событий. Г.С. Яскина подчеркивает не только хорошо известное в геополитической истории положение, что серьезное и неожиданное поражение японцев на Халхин-Голе, а до этого в 1938 г. в Маньчжурии у озера Хасан, заставило их “закрыть” северное направление экспансии на Монголию и СССР и сосредоточиться на южном,

Мейер Михаил Серафимович – доктор исторических наук, профессор, директор Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. Отв. ред. В.В. Наумкин. М.: Институт востоковедения РАН, 2010, 460 с.

в сторону Китая и Юго-Восточной Азии. Она подчеркивает, что эйфория от победы над японцами сыграла роль в решении Москвы начать войну с Финляндией (с. 33).

Отдельно рассматриваются в той же главе советско-монгольские отношения в период между началом двух войн – Второй мировой и Великой Отечественной, т.е. между сентябрем 1939 и июнем 1941 г., а также в годы войны СССР на западном фронте и антияпонской войны 1945 г. Широко использованы при этом работы современных монгольских историков, проявляющих большой интерес к теме Второй мировой войны. Некоторые из них, работая в японских архивах, смогли пролить новый свет на особенности политики Токио, в частности, на процесс подготовки Японии к заключению пакта о ненападении с СССР, уточнив картину противоборства мнений в японских политических верхах по этому ключевому аспекту ситуации в дальневосточном регионе в 1941–1945 гг. (с. 42).

Советско-японские отношения рассмотрены в двух главах, освещающих события 1925–1939 и 1939–1945 гг. (д.полит.н. В.Э. Молодяков). Причем сделано это на базе глубокого знания отечественной и зарубежной, прежде всего японской историографии. Отталкиваясь от факта взаимного дипломатического признания в начале 1925 г., В.Э. Молодяков прослеживает мероприятия двух правительств по укреплению политических, культурных и экономических связей, отмечая, вместе с тем, что так и не удалось заключить долго обсуждавшиеся рыболовную конвенцию и торговый договор (с. 64–65).

Как следует из анализа, советское руководство старалось не портить отношения с Японией, учитывая сложную ситуацию в Маньчжурии, по которой пролегла находившаяся в собственности СССР Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). В Москве подозревали японцев во враждебной подстрекательской политике, хотя Токио и сохранял нейтралитет во время советско-маньчжурского вооруженного конфликта на КВЖД в 1929 г. Еще более в Москве были озабочены ситуацией на Дальнем Востоке после оккупации Маньчжурии японцами в сентябре 1931 г.

Некоторые исследователи и публицисты считают это событие подлинным началом Второй мировой войны. Но если считать его таковым, то исходя из анализа, представленного в рецензируемой монографии, произошло это событие в известной мере случайно. «Вопреки установившемуся в послевоенные годы мнению, – отмечает В.Э. Молодяков, – операция не планировалась правительством... но стала результатом плана, который подготовила и осуществила группа старших офицеров Квантунской армии (расквартированной в Китае, на Квантунском или Ляодунском полуострове. – *М.М.*) при попустительстве ее командования. Акция, вызвавшая шок у политического и военного руководства... была с энтузиазмом встречена японским общественным мнением, которое было заранее “разогрето” радикально-националистической агитацией» (с. 66).

Советская реакция на агрессивные действия японцев и на первых порах, когда не до конца ясны были намерения Токио, и после создания в 1932 г. подконтрольного им государства Маньчжоу-го оставалась осторожной и примирительной. Более того, в августе 1932 г. было, наконец, подписано соглашение по рыболовным вопросам, и Москва настойчиво поднимала вопрос о заключении с Японией договора о ненападении. Конфиденциально сообщенный Москве отказ японской стороны пойти на этот шаг был предан гласности советской стороной, что остро было воспринято в Японии.

В 1934 г. советское руководство согласилось пойти ей навстречу и продать КВЖД за сумму в 47,5 млн. золотых рублей, в пять раз меньше первоначально запрошенной (с. 72). Это вызвало временное потепление отношений. Оно закончилось после заключения между Японией и Германией в ноябре 1936 г. Соглашения против Коммунистического интернационала (Антикоминтерновского пакта). Этот документ назван в книге скорее “протоколом о намерениях”, чем программой действий, что не отменяло того факта, что и Токио, и Берлин считали тогда СССР своим главным противником (с. 74).

В книге подчеркивается, что на протяжении 1937–1938 гг. советско-японские отношения непрерывно ухудшались и крайне осложнились из-за вооруженного конфликта на озере Хасан (с. 77). В то же время отмечается нежелание Москвы и Токио превращать конфликт в полномасштабную войну. Своей низшей точки дипломатические отношения достигли во время конфликта на Халхин-Голе, но не были прерваны. Заключение советско-германского договора о ненападении (пакт Молотова – Риббентропа) в августе 1939 г. сыграло, как правильно отмечается в книге, свою роль в завершении “необъявленной войны” в пользу СССР. При этом японские лидеры восприняли предпринятый германским руководством шаг как “непростительное предательство” и изменили свою политику в отношении СССР. С началом военных действий в Европе 1 сентября 1939 г. Япония объявила о “неучастии” в войне и 15 сентября пошла на подписание соглашения о прекращении боевых действий на Халхин-Голе (с. 80).

Третья глава книги, посвященная советско-японским отношениям в годы Второй мировой войны, построена на использовании большого числа документальных и литературных источников, и в немалой мере опирается на результаты архивных разысканий Б.Н. Славинского². В работе хорошо описана драматическая история подписания 13 апреля 1941 г. в Москве договора о нейтралитете между СССР и Японией. Цитируя документы из книг и архивов, автор прослеживает по дням время пребывания амбициозного японского министра иностранных дел Ё. Мацуока в Москве, его переговоры с В.М. Молотовым и И.В. Сталиным. Из книги следует, что решение о подписании пакта было принято И.В. Сталиным в день перед отъездом японского министра. Ё. Мацуока согласовал проект пакта с премьером Ф. Коноэ по телеграфу, причем премьер получил одобрение императора в обход кабинета министров и Тайного совета (с. 95–97).

В книге хорошо передана атмосфера напряженных тревожных ожиданий, связанных с тайными решениями и дипломатическими недоговоренностями, реальной или кажущейся вариативностью будущего, проступающего, например, в том факте, что Ё. Мацуока находился в Москве проездом в Берлин и обратно, где обсуждал с Гитлером возможность создания “евразийского блока” четырех, т.е. подключения СССР к тройственному союзу Германии, Италии и Японии. Нападение Германии на СССР через два месяца после заключения советско-японского пакта было для японцев полной неожиданностью. Но “странный нейтралитет” между Москвой и Токио сохранялся на протяжении всей Великой Отечественной войны, отвечая, по всей видимости, их интересам, между государствами поддерживались “нормально-деловые” отношения, хотя они принадлежали к двум воюющим между собой коалициям.

Не менее драматичной и значимой была развязка истории с договором о нейтралитете 1941 г. В монографии подробно охарактеризованы попытки Японии в 1945 г. спастись от безоговорочной капитуляции с помощью Москвы. При этом японская правящая верхушка, хотя и могла догадываться, что подписанный в 1941 г. документ не сможет сыграть роль сдерживающего фактора при решении о вступлении СССР в войну против нее, но все же рассчитывала на силу дипломатических обязательств. Поэтому принятое Москвой решение об объявлении войны Японии 9 августа 1945 г. было воспринято в Токио крайне тяжело. “Вступление СССР в войну потрясло японцев больше, чем атомные бомбы (сброшенные американцами на Хиросиму и Нагасаки. – М.М.)”, – такой вывод делает современный японский исследователь Ц. Хасэгава. В целом можно согласиться с представленной точкой зрения, что решение о войне против Японии диктовалось не состоянием отношений с ней, а общим видением ситуации в регионе и мире. В результате СССР смог воспользоваться плодами победы в войне на Тихом океане (с. 124).

В двух главах о советско-китайских отношениях накануне и в годы Второй мировой войны (д.и.н. С.Г. Лузянин, к.и.н. Р.А. Мировицкая, А.В. Пиковер) много внимания уделено как общим, так и некоторым частным вопросам политики СССР на

² Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945. М., 1995.

китайском и в целом дальневосточном направлении. Рассмотрим лишь два сюжета: позицию Москвы по проблеме отношений между Гоминьданом (ГМД) и Коммунистической партией Китая (КПК) и советско-китайские переговоры на заключительном этапе Второй мировой войны.

Говоря о позиции Москвы по дилемме ГМД–КПК, следует подчеркнуть уместность общего наблюдения авторов монографии о том, что внешняя политика Советского Союза была направлена на поддержание на должном уровне дипломатических отношений с правительствами зарубежных стран и одновременно на защиту компартий в тех же странах (с. 125). Это приводило нередко к необходимости сглаживать возникающие противоречия. Хотя идейно Москва была ближе к КПК, она считалась и с реальной силой ГМД и поддерживала усилия возглавляемого им правительства по противостоянию японской агрессии, развернувшейся в центре страны летом 1937 г. Москва действительно помогала (военно-техническими поставками, направлением военных инструкторов и т.д.) национальному правительству во главе с лидером ГМД Чан Кайши.

Коммунисты Китая разделяли стремление ГМД не идти на примирение с Японией и образовали с ним на этой основе единый национальный фронт. Однако глубоко укорененные противоречия между ГМД и КПК оставались и периодически требовали внимания Москвы. Особенно острыми они стали, как отмечается в рассматриваемой книге, в 1943–1944 гг., во время паузы в военном натиске японцев. Опираясь на опубликованные и архивные материалы, авторы книги передают сложную картину взаимных претензий и недоверия, существовавших между представителями КПК и правительства ГМД, отмечают стремление Москвы сгладить противоречия, добившись от обеих сторон взаимных уступок (с. 179–181).

Сгладить эти противоречия в полной мере не удалось. Но советское руководство смогло создать условия для проведения активной линии по китайскому вопросу на заключительной фазе мировой войны. При этом оно столкнулось с некоторыми неприемлемыми для себя претензиями Китая. В книге подробно рассматривается такой важный связанный с этим эпизод, как визит специального посланника Чан Кайши, министра иностранных дел Сун Цзывэня в Москву в июне-июле 1945 г.

К тому времени советское руководство договорилось со своими союзниками – США и Великобританией – об условиях вступления в войну с Японией. Не зная о достигнутых в Ялте в феврале 1945 г. договоренностях, а среди них были и аренда Порт-Артура как советской военно-морской базы, и интернационализация порта Дайрен, и совместная с Китаем эксплуатация КВЖД и Южно-Маньчжурской железной дороги, китайская программа урегулирования территориальных вопросов после капитуляции Японии предполагала восстановление суверенитета Китая над всей китайской территорией, включая Маньчжурию, Тайвань, Гонконг и Внешнюю Монголию (МНР). Идя во многом на реализацию требований Китая, ялтинские соглашения не предусматривали возвращение ему Внешней Монголии и Гонконга, зато включали обозначенные выше условия советской стороны.

Суть многодневных переговоров китайской делегации в Москве, детально изложенная в книге по материалам Архива внешней политики РФ (с. 187–192), состояла в урегулировании вытекающих из разных ожиданий сторон спорных вопросов. Китайское правительство уже на ранней стадии согласилось предоставить Внешней Монголии независимость, но потребовался второй раунд переговоров в августе, прежде чем 14 числа того месяца был, наконец, подписан договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем. Руководство КПК, кстати, ревниво отнеслось к ведущимся в Москве переговорам, а советское руководство, подтвердив курс на невмешательство во внутренние дела Китая, предостерегло против развязывания вооруженного конфликта между ГМД и КПК (с. 192–193).

Особый раздел в книге посвящен отношениям СССР с государствами Ближнего и Среднего Востока – Афганистаном, Ираном и Турцией, а также событиям военных лет в Северной Африке. Три сопредельные с Советским Союзом страны отличались

в рассматриваемый период сходными чертами. Они принадлежали к немногим суверенным государствам в Азии, имели редкое население, сохранявшее во многом традиционный образ жизни. Их значение объяснялось геополитическим положением в центре Евразии, между южными границами СССР и северными рубежами британской колониальной империи. С середины 30-х годов XX в. вставшая на путь экспансии в Европе гитлеровская Германия попыталась сделать прорыв на Средний Восток, вклиниться между советской и британской сферами влияния. В этом ей помогала Италия под руководством Б. Муссолини. Активную политику на данном направлении вела Япония, особенно после заключения Антикоминтерновского пакта и вплоть до 1939 г. В дальнейшем в Токио не решались явно действовать в советском “подбрюшье”, сосредоточившись на тихоокеанском участке военно-дипломатических действий.

В отличие от первой части книги, где основное внимание авторы уделили дипломатическим и переговорным процессам, анализ во втором разделе в большей мере касается действий Москвы и других игроков на оперативном уровне, связанном с ситуацией в конкретных странах и ареалах. Это ярко проявляется в двух главах по советско-афганским отношениям в 1931–1939 и 1939–1945 гг. (д.и.н. Ю.Н. Тихонов). Рассмотрение почти 15-летней истории политики СССР в Афганистане осуществлено с учетом большого числа опубликованных у нас и за рубежом книг и статей, базируется на широком использовании новых архивных материалов. Последние позволяют проследить в деталях внезапные перемены в действиях советских и английских дипломатов в Кабуле вслед за вторжением германских войск в СССР и призывом У. Черчилля к объединению усилий с Москвой. В книге показано, как “игра на троих”, продолжавшаяся с усилением германо-итальянского агентурного участия в развитии сложной обстановки в Афганистане, превратилась в успешные совместные действия советских и британских дипломатов по ограничению свободы рук представителей стран “оси”, а затем и выдворению их из Афганистана.

Интерес вызывают и рассмотренные в той же главе такие “отыгранные историей” феномены, как влияние басмачества на советско-афганские отношения, и такие явления, которые в меняющемся политическом контексте воспроизводятся до сих пор – геополитическая роль горных пуштунских племен на границе между Афганистаном и тогдашней Британской Индией, а ныне Пакистаном.

Фундированный характер носит представленный в издании анализ взаимоотношений СССР и Ирана в 1933–1945 гг. (к.э.н. Н.М. Мамедова, к.и.н. Е.В. Дунаева, д.и.н. А.Б. Оришев). Привлекая большой фактический материал, авторы характеризуют рывок фашистской Германии в Персию, который правителем страны Реза-шахом был воспринят как появление третьей силы, балансирующей Англию и СССР. Желание пойти навстречу германской пропаганде объясняет во многом и изменение названия государства в 1935 г. на Иран – страну ариев. Тегеран, как обстоятельно показано в книге, неизменно стремился сохранить независимость, пытался маневрировать, чтобы не оказаться в зависимости от какой-либо одной стороны. Но попытка создать региональный блок, путем подписания Саадабадского пакта в 1937 г., оказалась неудачной, а заключение советско-германского договора в августе 1939 г. “вызвало крайнюю растерянность среди политической элиты Ирана” (с. 275).

В книге обращается внимание на подзабытые угрозы южным границам СССР, в частности, нефтяным промыслам в Баку со стороны Англии и Франции в мае 1940 г., и новый всплеск активности немцев в Иране после их “блицкрига” в Европе. Оказавшись в перекрестье интересов Германии и Англии, Тегеран все более склонялся на сторону первой. Нападение Гитлера на Советский Союз предопределило судьбу иранского режима, ибо, несмотря на объявленный нейтралитет, Иран мог с готовностью стать южным плацдармом для продвигающихся на восток германских сил.

Нужно отметить, что в упомянутой выше главе обстоятельно и объективно описана как дипломатическая, так и военная составляющие первой совместной советско-английской операции в ходе Второй мировой войны, отмечено вялое сопротивление иранских частей наступлению советских войск 25–30 августа 1941 г. При этом уже

28 августа новое правительство Ирана отдало приказ прекратить сопротивление, а на следующий день передовые части советских и английских войск вошли в соприкосновение (с. 289–292). После отречения шаха от престола в пользу сына в середине сентября 1941 г. в Тегеран вступили советские и английские части, притом что и СССР, и Англия гарантировали сохранение независимости Ирана и вывод войск из страны после окончания войны с Германией. Эти положения были закреплены в подписанном в январе 1942 г. в Тегеране договоре о союзе между СССР, Великобританией и Ираном.

Отмечая, что уже в ноябре 1941 г. заработал иранский транзитный путь, авторы монографии указывают, что он был далеко не единственным и даже не главным для доставки в СССР его союзниками грузов по ленд-лизу. Всего за 1941–1945 гг. по нему было перевезено 24% грузов (примерно 4,3 тыс. тонн), почти половина грузопотока приходилась на дальневосточный и 25% на северный путь. Наибольшее значение иранский транзит имел в 1942–1943 гг. (29 и 34% соответственно) (с. 285).

Рассматривая советско-иранские отношения на заключительном этапе Второй мировой войны, авторы отмечают, что в политике СССР самым значительным фактором стал национальный вопрос, точнее расширение советского влияния с опорой сначала на курдов, а затем на азербайджанцев. В книге утверждается, что перенос внимания был связан с личными пристрастиями И.В. Сталина, на которые повлиял глава компартии Азербайджана Д.М. Багиров (с. 307).

Выходя несколько за рамки обозначенных хронологических рамок, но в полном соответствии с исторической логикой, авторы касаются драматических эпизодов, связанных с выводом советских войск из Ирана весной 1946 г. При этом подчеркивается стремление Москвы морально поддержать созданные в зоне ее ответственности национальные автономии азербайджанцев и курдов, но в то же время не навредить репутации “освободителя народов” и избежать обострения отношений с вчерашними союзниками по антифашистской коалиции (с. 311–314).

Глава “СССР и курдский вопрос” (д.и.н., проф. О.И. Жигалина) представляет собой первое в отечественной литературе достаточно полное исследование этой темы. Автор последовательно рассматривает широкое участие советских курдов в Великой Отечественной войне, международное положение зарубежных курдов накануне и на первом этапе Второй мировой войны, “курдскую” политику нацистской Германии, советско-курдские контакты на первом этапе войны и в 1942–1944 гг.

Наибольший интерес, пожалуй, вызывает исследование советской политики во время “курдского кризиса” 1945 г. В нем убедительно опровергается высказываемое в некоторых современных западных работах мнение, что Москва якобы нацеливала иранских азербайджанцев и курдов на “формальное отделение от Ирана” с последующим присоединением Иранского Азербайджана и Курдистана к Советскому Союзу (с. 349).

О.И. Жигалина пришла к выводу, что для части курдов речь шла о попытке добиться до сих пор неосуществленной цели создания своего государства, используя поддержку Москвы. Между тем интересы курдов и СССР не совпадали. Выступая на трехсторонней встрече руководителей СССР, США и Великобритании в Москве в декабре 1945 г. В.М. Молотов сказал, что Советский Союз считает вопрос о севере Ирана его внутренним делом, “не вмешивался и не участвовал в событиях в этом районе” (с. 354).

В двух главах, посвященных советско-турецким отношениям (д.э.н., проф. Н.Г. Киреев), прослеживается история непростых, зачастую крайне натянутых отношений между Анкарой и Москвой в 1933–1941 и 1941–1945 гг. Впрочем, на протяжении первого этапа советско-турецкие взаимосвязи были дружественными. Лидеры Турции Кемаль Ататюрк и Исмет Инёню публично заявляли о дружбе с СССР, развивалось экономическое и культурное сотрудничество, хотя и уступавшее по масштабу связям Турции с Англией и Германией. Как отмечается в работе с опорой на классические труды отечественных туркологов, таких как А.Ф. Миллер, и современных турецких

авторов, противоречия между советской и турецкой дипломатией проявились на международной конференции в Монтрё по статусу проливов, соединяющих Черное и Средиземное море. Возникшая напряженность так и не была снята вплоть до начала Великой Отечественной войны, неудачей закончились проходившие в апреле-октябре 1939 г. переговоры о заключении между СССР и Турцией пакта о взаимопомощи (с. 382–383).

Сложным, полным тайных нюансов и перипетий был весь этап советско-турецких отношений между сентябрем 1939 и июнем 1941 г. Турция, как отмечает Н.Г. Киреев, лавировала в этот период между двумя блоками (английским и германским), стремясь сохранить нейтралитет при росте пронемецких настроений, происходившим под воздействием успехов Гитлера и его союзников, прежде всего фашистской Италии, на Балканах. Эти настроения усилились после нападения Германии на СССР и в течение первого наиболее тяжелого для советского народа этапа Великой Отечественной войны. Именно к этому периоду относятся кризисные явления в двусторонних отношениях, такие как привлечение к суду и осуждение к длительным срокам заключения советских граждан Г. Павлова и Л. Корнилова по обвинению в неудавшемся покушении на немецкого посла в Турции Ф. фон Папена (с. 399–401).

Несмотря на рост прогерманских интересов в турецком обществе и давление Германии с целью побудить Турцию вступить в войну на ее стороне, Анкара сохранила нейтралитет, а после перелома в войне, последовавшего за германскими поражениями на восточном фронте, стала склоняться к нейтралитету, дружественному Англии и ее союзникам по антигерманской коалиции. Советское руководство долго не верило в возможность вступления Турции в войну на стороне коалиции и выражало заинтересованность в строгом соблюдении Турцией официально провозглашенного нейтралитета, который она неоднократно фактически нарушала. Однако после перемен на политической сцене Турции, в частности, осуждения 23 общественных деятелей за пропаганду антисоветского по сути пантюркизма, западные союзники СССР поставили перед Москвой вопрос об участии Турции в войне и послевоенном порядке. На Ялтинской конференции СССР согласился пойти им навстречу. После этого парламент Турции единогласно принял решение об объявлении войны Германии и Японии, и Анкара получила приглашение на учредительную конференцию ООН в Сан-Франциско (с. 413).

Особое место в книге занимает глава о североафриканской военной кампании 1940–1943 гг. (д.и.н., проф. А.З. Егорин). Связь с СССР в ней опосредована историческим эпизодом использования немцами на фортификационных работах советских военнопленных. Инициатором их применения выступил главнокомандующий немецкими силами в Северной Африке Э. Роммель, прибывший туда в 1941 г. Оценив трудность условий, в которых оказались его войска, он предложил германской ставке переправить на север Африки пленных, захваченных на советском фронте. Туда были переброшены, как утверждает в книге, более 20 тыс. наших соотечественников (с. 424). Их подневольный труд не помог немцам и итальянцам избежать полного поражения от англо-американских сил, причем косвенный вклад в это внесло другое решение гитлеровской ставки – перебросить самые лучшие дивизии из-под Каира и Триполи под Сталинград.

Значение побед союзников на севере Африки нельзя конечно сбрасывать со счетов, однако Москва ожидала от них масштабных и решительных действий – открытия второго фронта в Европе. Об этом, в частности, говорится в заключительном разделе книги “Советский Союз, Вторая мировая война и Восток” (д.и.н., проф. Р.Г. Ланда). В ней дается объемная панорама участия СССР в мировой войне и подчеркивается влияние его решающих для хода войны побед на судьбу народов Азии и Северной Африки. Автор справедливо акцентирует внимание на произошедший под воздействием роста авторитета СССР общий сдвиг влево в странах Востока. Примечательно в то же время, что, по его мнению, усиление коммунистического движения на Востоке произошло “как за счет моральной (а иногда и материальной) помощи Советского Союза,

так и ввиду обострения социальной напряженности и экономических трудностей военного времени, обилия жертв и лишений” (с. 444–445). В целом роль СССР справедливо оценена как исключительно большая и в громадных переменах, произошедших в Азии и Африке в годы Второй мировой войны, и в формировании политического пространства после окончания боевых действий.

Рассматриваемая книга не лишена некоторых недостатков. В ней заметны сюжетные повторы, связанные с тем, что разные авторы касались отношений СССР и Монголии, СССР и Японии, СССР и Китая (в первой и четвертой главах). При этом в целом логика анализа не нарушена, но страдает его единство и согласованность, а также хронологическая последовательность изложения. В главе 11, посвященной отношениям между СССР и Турцией в 1941–1945 г., представляется несколько приуменьшенной напряженность в двусторонних отношениях в период наступления фашистских войск на Кавказ, не упомянуто о влиянии немецкой операции “Эдельвейс” по его захвату на эти отношения. И, наконец, проблема советских военнопленных, “рабов Роммеля”, вероятно, нуждается в дополнительных изысканиях и уточнениях.

В целом же книга, подготовленная в стенах Института востоковедения РАН, заслуживает высокой оценки благодаря своей объективности, попытке учесть разнообразные факторы, сыгравшие роль в формировании советской политики на Востоке в преддверии и годы Второй мировой войны, стремлении взвешенно оценить характерные ее черты и особенности, и в то же время противостоять стереотипам и передержкам, от которых нередко страдает издаваемая за рубежом научная и публицистическая литература.